

УДК 159.964:101.8

Т.И. Бармашова

О ФИЛОСОФСКОМ СТАТУСЕ ПОНЯТИЯ
«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»

T.I. Barmashova

ABOUT THE PHILOSOPHICAL STATUS OF THE CONCEPT
"UNCONSCIOUS"

Статья посвящена проблеме философского статуса понятия «бессознательное». Центральной идеей статьи является идея о предельно широком, обобщающем характере понятия бессознательного, достигающего до философской категориальности. Рассмотрение бессознательного как конкретно-научного понятия, игнорирование его абстрактного, гносеологического характера значительно обедняют его познавательные возможности при создании общей картины сознания и бессознательного. Иногда исследователям удается достичь определенного уровня обобщения бессознательного, но, как правило, оно не выходит за рамки конкретно-научного обобщения. Так, например, взгляд на бессознательное как общепсихологическое понятие в рамках конкретной науки (в частности, психологии) представляется перспективным. Но если оценивать бессознательное с мировоззренческих, методологических позиций, то при подобном рассмотрении вне поля зрения оказываются его проявления в сфере общественной жизни, учет которых помогает достичь целостности отражения феномена бессознательного, значит, отразить высокую степень обобщения понятия бессознательного. В статье эксплицируются идеи мыслителей (Автономовой Н.С., Выготского Л.С., Ильенкова Э.В., Кречмера В., Мак-Интайра А., Абрамова С.С. и др.), свидетельствующих в пользу гносеологического статуса понятия бессознательного. В соответствии с задачей философской дефиниции бессознательного автор касается вопроса критериев философской категориальности. В этом ракурсе осуществляется философская дефиниция бессознательного.

Ключевые слова: бессознательное, сознание, психика, философские категории, абстракция, статус.

The study is devoted to the problem of the philosophical status of the concept "unconscious". The central idea of the article is the idea about extremely wide, generalizing nature of the concept 'unconscious', reaching philosophical category. Consideration unconscious as concrete and scientific concept, ignoring of its abstract, gnoseological character considerably is impoverished by its informative opportunities at creation of an overall pic-

ture of consciousness and unconscious. Sometimes researchers manage to reach a certain level of generalization unconscious, but, as a rule, it is not beyond concrete and scientific generalization. So, for example, the look on unconscious as all-psychological concept within concrete science (in particular, psychology) is represented perspective. But if to estimate unconscious from the world, methodological outlooks, by similar consideration out of sight there are its manifestations in the sphere of public life which the account helping to reach the integrity of reflection of a phenomenon 'unconscious', so to reflect high extent of generalization of concept unconscious. In the article the ideas of thinkers (Avtonomova N.S., Vygotsky L.S., Ilyenkov E.V., Krechmer V., Mac-Intyre A., Abramov S.S., etc.), testifying in favor of the gnoseological status of concept 'unconscious'. According to the problem of philosophical definition unconscious the author concerns the question of criteria of a philosophical category. In this foreshortening philosophical definition of the unconscious is carried out.

Keywords: unconscious, consciousness, mentality, philosophical categories, abstraction, status.

Актуальность данной темы определяются тем, что до настоящего времени не существует общепризнанного определения бессознательного. Настоятельная необходимость философской дефиниции бессознательного связана прежде всего с пониманием бессознательного как одной из сторон субъективной реальности наряду с сознанием. В изучении бессознательного имеет место тенденция его психологического определения. В результате такого подхода с философским понятием сознания соотносится не философски определенное бессознательное, а бессознательное как таковое, наделенное конкретными чертами. Использование такого понятия в различных контекстах, в различных сферах познания неизбежно приводит к противоречиям, поскольку с философским понятием сознания должно соотноситься абстрактное философское понятие бессознательного. С целью избежать указанных противоречий, при определении понятия бессознательного необходимо подняться с конкретно-научного уровня на философский уровень, придать ему более высокую степень обобщения.

Чтобы понятие бессознательного было эвристически ценным, недопустимо его сводить к конкретным свойствам, особенностям, фактам, проявлениям, а необходимо наполнить его таким содержанием, которое выражало бы суть бессознательного вне зависимости от того, в какой форме оно проявляется. В этом смысле анализ бессознательного должен сочетать в себе логический, онтологический и гносеологический аспек-

ты. Именно такой подход является научным, соответствующим диалектическому познанию мира с его полнотой отображения действительности.

Целью данной статьи и является попытка показать необходимость и правомерность экспликации бессознательного как философского понятия. Соответственно, **задачами** решения данной цели выступают анализ концепций, близких основной идее статьи; рассмотрение критериев категориальности; философское определение бессознательного.

Существует множество различных подходов в интерпретации бессознательного, оппонирующих друг другу. На наш взгляд, одна из причин рассогласования в трактовке бессознательного заключается в том, что при определении бессознательного отсутствует единое понимание психики и сознания, с которыми оно связано. Нередко понятие сознания сводится к осознанному (традиция идет еще от Р. Декарта), рассматривается как диалектическая противоположность бессознательного, отсюда некоторая абсолютизация полярности сознания и бессознательного. Но понятие сознания не ограничивается узким смыслом. Сознание в широком смысле, как философская категория, обозначает специфически человеческий способ отражения действительности, предстает как идеальное, включающее в себя не только рефлексивные формы. При рассмотрении бессознательного в этом аспекте выявляются не только его различия с сознанием, но и определенная однопорядковость, согласованность функционирования.

Другой причиной «разбросанности» мнений относительно бессознательного является конкретно-научный подход в его интерпретации. Конечно, каждое из многообразных проявлений бессознательного специфично по-своему, что говорит о богатстве проявлений феномена, а не о их различных сущностях. Определенный срез объективной действительности выражает соответствующее ему бессознательное. Для того чтобы избежать противоречий, необходимо подняться при толковании понятия бессознательного с конкретно-научного уровня на философский, определить бессознательное как абстрактное, логическое понятие.

Если даже и используется широкий смысл понятия сознания, то ему противопоставляется не философски определенное бессознательное, а бессознательное как таковое, наделенное конкретными чертами. Использование такого понятия в различных контекстах, в различных сферах познания неизбежно приводит к противоречиям, поскольку с философским понятием сознания должно соотноситься абстрактное философское понятие бессознательного. Без этого конкретное определение бессознательного, успешно работающее в одной сфере познания, не будет выполнять свои функции в другой области, будет, по существу, лишь искусственной экстраполяцией и не только не в состоянии прояснить научную картину, но еще более запутает ее. Как справедливо замечает Г. Брюнtrup: «... кто привык касаться вопросов с эмпирической стороны,

будет постоянно конфронтировать с непроясненными философскими аспектами проблематики» [1, 7].

До настоящего времени абстрактно-обобщающий подход к проблеме бессознательного, доходящий до философской категориальности, не является типичным. Однако имеют место отдельные высказывания о логическом статусе понятия бессознательного. Актуальность рассматриваемой темы не ограничивается общесоциологическим аспектом. Проблема философского осмысления бессознательного, его диалектической взаимосвязи с сознательным в механизмах человеческой активности имеет большое значение не только для объяснения многообразных явлений психической и социальной действительности, непосредственного использования этих знаний в практической жизни, но и для самой философской науки, для дальнейшего развития ее теоретического и эвристического потенциала. В первую очередь, это необходимо для углубления общей теории сознания. Трудно представить себе вполне адекватную картину сознания, созданную без учета бессознательного, без выявления его сущности, сопоставительной характеристики с сознанием. Как справедливо замечает по этому поводу А. Шерозия: «... ни общая теория сознания, ни общая теория бессознательного психического по сути не могут быть построены, если брать их порознь и вне их единой системы отношений ...» [2, с. 514]. Нельзя обойти проблему бессознательного и при построении концепций деятельности, познания, личности, культурно-исторического развития.

В условиях разобщенности представлений о бессознательном, преобладания конкретно-научного подхода к его исследованию трудно переоценить значение методологической рефлексии относительно этой сложной проблемы, позволяющей понятию бессознательного занять достойное место в рамках философского знания. Это тем более важно, что до сих пор фактически не существует философского осмысления бессознательного. На это указывает С.С. Абрамов: «... ни одна из существующих частнонаучных концепций не вправе претендовать на статус всеохватывающего теоретического описания бессознательного. ... такая задача может быть решена только на уровне глубоких философско-методологических изысканий. Характерная особенность современного положения дел в сфере исследования бессознательного как раз и состоит в отсутствии экспликации философско-методологических оснований тематики бессознательного в человеческом самопознании» [3, 5, 6].

Таким образом, становится очевидной востребованность анализа проблемы бессознательного с методологических позиций. В такой ситуации возникает необходимость преодоления гносеологической ограниченности, при которой бессознательное рассматривается в урезанном виде как обозначающее только индивидуально-психические, в лучшем случае – социально-личностные феномены, в результате чего проблема

бессознательного в общественной жизни (где главным его субъектом являются социальные группы) фактически выпадает из поля зрения исследователей. Тем самым гносеологическая роль понятия бессознательного реализуется не в полной мере.

Игнорирование взаимосвязи различных проявлений бессознательного на всех уровнях человеческого бытия препятствует соблюдению принципа целостности. Иными словами, такой методологический подход упускает из поля зрения тот факт, что диалектика предполагает не только рассмотрение бессознательного в неразрывной связи с сознательным отражением, в чем, как известно, выражается диалектический принцип противоречивости, но также применимость этого понятия для характеристики всех уровней бытия человека, что отражает не менее важный диалектический принцип всеобщей связи. Неизбежным следствием такого подхода является то, что до настоящего времени не выработано общепризнанного представления о бессознательном. Подчас существуют не просто различные, но и взаимоисключающие точки зрения в его понимании.

Подтверждение перспективности гносеологического анализа феномена бессознательного можно найти в ряде работ. В свое время Л.С. Выготский подчеркивал, что вопрос о бессознательном – «философский вопрос, который должен быть решен теоретически, прежде чем мы можем приняться за объяснение специальных фактов» [4, с. 132].

Наиболее адекватно нашему представлению эта проблема сформулирована Н.С. Автономовой. Аналогичным образом, исходя из существенной роли феномена бессознательного во многих сферах человеческой действительности, она подчеркивает: «Тем более важно в этих условиях найти верный ключ к пониманию как самого бессознательного, так и тех социальных констатаций, с которыми непосредственно связывается то или иное решение этой проблемы. Условием такого понимания представляется анализ проблемы бессознательного с философских, гносеологических позиций. Исследование бессознательного, оценка и интерпретация конкретных научных данных о человеческой психике – это, разумеется, дело специальной науки о сознании – психологии. Вместе с тем общие принципы анализа проблемы бессознательного, методология подхода к бессознательному не могут не интересовать философа. Вследствие этого проблема разграничения социально-научного и философского подходов в этой области знания стоит достаточно остро» [5, с. 81].

Несмотря на то что проблема гносеологического статуса понятия бессознательного была фактически поставлена, этот аспект проблемы специально никем не исследовался. Подтверждением этого положения является четырехтомный труд «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», составленный по материалам международного симпозиума по проблемам бессознательного (Тбилиси, 1978 год) [6].

В этом фундаментальном труде четко прослеживается тенденция дифференцированной характеристики бессознательного. Тома и разделы составлены с учетом качественной неоднородности этого феномена, разноплановости аспектов его изучения. Бессознательное рассматривается как форма психической деятельности, анализируются нейрофизиологические механизмы его проявления, место и роль в структуре гнозиса и художественного восприятия. Однако на страницах этого фундаментального труда не встречается ни одной статьи, где бы рассматривалась идея философского характера понятия бессознательного.

Анализируя состояние проблемы бессознательного в наши дни, можно заметить определенные сдвиги в этом направлении. Среди ряда исследователей обнаруживается гораздо больший интерес к социальным проявлениям бессознательного, что говорит о выходе за пределы чисто психологического подхода. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Российско-Австрийской научной конференции «З. Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур» [7]. Бросается в глаза интерес не просто к социально-индивидуальному субъекту бессознательного, но прежде всего – к социально-групповому субъекту. Конечно, еще нет философского приоритета в определении бессознательного, однако содержательная широта его анализа, сама по себе, подводит к идее экспликации философского характера понятия бессознательного. Точки зрения, представленные на вышеуказанной конференции, выражают современное видение проблемы в рамках гуманитарного знания и способствуют установлению междисциплинарного взаимодействия на основе активного использования философской методологической базы.

Из зарубежных исследователей о логическом статусе понятия бессознательного ведет речь А. Мак-Интайр. Он правомерно подчеркивает, что в науке для бессознательного не существует четко очерченного понятия, и потому каждый исследователь вкладывает в него свой смысл. Как замечает ученый, возможно, и понятие бессознательного имеет логический статус, подобно понятиям, выражающим ненаблюдаемое, находящимся на высоком уровне дедукции, как, например, понятие «электрон». При этом он рекомендует не забывать тот факт, что в истории человеческого познания были и случаи, когда вводили понятия для обозначения ненаблюдаемых следствий, оказавшихся в конечном счете вообще несуществующими, как например, понятие «эфир». Эту познавательную сложность он относит также к «бессознательному».

А. Мак-Интайр рассматривает две возможности логизации бессознательного: или бессознательное есть недоступная область недоступных качеств, существующая по своим законам; или теоретическая сущность, введенная для того, чтобы объяснить ряд необъяснимых явлений и привести их в соотношение друг к другу. В первом случае нужно доказать их реальную данность, что не всегда возможно. Другая альтернативная

возможность заключается в исследовании того, какие объяснительные функции имеет понятие бессознательного. Эту возможность он и предлагает. Критикуя З. Фрейда, исследователь обращает внимание на то, что основатель психоанализа, употребляя понятие бессознательного как наречие, прилагательное или в субстантивированной форме, фактически не определяет его. Он дает причинные объяснения, которые могут обходиться и без привлеченного к ним понятия бессознательного. Концепция бессознательных психических явлений Фрейда служит больше их описанию, чем объяснению.

А. Мак-Интайр предлагает отказаться от понимания бессознательного как сущности, тогда будут устранены многие излишние дискуссии по конкретным сущностным признакам. Не страшась слова «метафизика», он предлагает перенести решение проблемы в рамки метафизики в смысле попытки обобщения понятия бессознательного. Исследователь аргументирует тем, что притягательная сила понятий заключена как раз в их всеобщей формуле. Его еще более веский аргумент – необходимость изображать специфически человеческое соответственно по-человечески. То есть изучать человека не как нервную систему плюс мускулы, как цепь молекул или элементарных частичек, а как гармоническую целостность. Такое представление может дать логическое понятие [8, с. 129-137].

Логический статус понятия автоматически означает правомерность его использования для характеристики не только индивидуально-психических явлений, но и общественных. В этом отношении позиция А. Мак-Интайра в понимании бессознательного близка нашему признанию философского статуса «бессознательного», однако есть некоторое отличие. Он не признает бессознательное как сущность. В нашей интерпретации бессознательное выступает и как логическое понятие, и как многообразная реальность, обозначаемая этим понятием. Поскольку любая реальность предполагает сущность, постольку и конкретным явлениям бессознательного нельзя отказать в ней. Главным критерием категориальности мы считаем не отсутствие сущностной стороны бессознательного, а трехаспектность его проявления: природа, общественные явления и мышление.

Близок к обобщенному понятию бессознательного также В. Кречмер. Исследуя бессознательное, он ведет речь о негативном понятии, не объективируемом через определение. По его мнению, можно было бы признать, что в бессознательном господствуют те же законы, что и в сознательных процессах. Бессознательное представляет аналог полю сознания, только функционирующий незримо. На проблему бессознательного мы натываемся через феномены, которые позволяют себя исследовать. Мы имеем, таким образом, объективные и субъективные феномены. Иными словами, ученый допускает возможность говорить о бессознательном тогда, когда его проявления могут быть объективированы. Обь-

ективированными он считает явления, связанные с моторикой движения, но не признает бессознательных фантазий или представлений. Противоположность «сознательное – бессознательное» могла бы дополняться дуализмом «намеренное – спонтанное», который охватывает субъект. В этом смысле субъект выступает как целостность.

При этом В. Кречмер подчеркивает, что было бы недостаточно ограничиться намеренностью и спонтанностью. Субъект как целостность бессознателен, охватывается частично сознанием как длительное единство. Субъект не нуждается в постоянном и совершенном сознании. Поскольку субъект неделим, нет психологии сознания, которая могла бы заниматься только сознанием. Следует учитывать смену между сознательным и бессознательным. Психология как наука наблюдения, обращенная к возникновению и протеканию процессов, должна ограничиться только спонтанными феноменами, так как только совокупность ненамеренных явлений можно считать психическим феноменом.

Для В. Кречмера является очевидным, что слово «бессознательное» заменяет слово «психика». Понятие психики охватывает бессознательные принципы, в соответствии с которыми возникают и протекают сознательные спонтанные явления. Психику невозможно установить. Можно или только понятийно абстрагироваться, или характеризовать мистико-поэтически в ее своеобразии. В любом случае речь идет о врожденных или приобретенных в ходе жизни интегрирующих или препятствующих готовностей, возможностей, в рамках которых протекают спонтанные процессы (чувства, представления, движения). Такие готовности охватываются обозначениями «темперамент» и «характер». Это все, однако, по ту сторону от сознания и бессознательного, не что иное, как так называемые психологические законы. Нет отдельно законов сознания, которые исследует психология сознания, а также законов бессознательного, которые открыл Фрейд.

В целом В. Кречмер не отклоняет обозначение «бессознательное», как он сам замечает в письме к Ф.В. Бассину. Но бессознательную область человека он считает полученной из явлений абстракцией, теоретическим принципом. Согласно его рассуждениям, если мы гипостазируем «бессознательное», то идем от противоречия к противоречию. В понятии бессознательного схвачены все функциональные готовности человека в широком смысле. Мы можем только описывать содержание сознания и в нем происходящие действия. Сознание само как понятийная абстракция, однако, не позволяет себя воспринимать. Сущность как сознательной, так и постулированной бессознательной психической жизни уклоняется равным образом от нашего прямого схватывания. Только если мы принимаем во внимание эту понятийную и познавательно-теоретическую ситуацию (что, во всяком случае, возможно толь-

ко при философском рассмотрении), тогда целесообразно говорить о сознании и бессознательном [9, с. 39–46].

Негативизм в определении бессознательного имеет под собой определенные основания. В этом, видимо, прослеживается неудовлетворенность конкретно-научными дефинициями бессознательного, интуитивное угадывание противоречивости такого подхода и, как следствие этого, стремление определить его как абстракцию. Но в результате отвергается факт реальности самого феномена бессознательного, что в конечном счете может склонить к скептицизму.

В условиях отсутствия логического определения бессознательного необходимо выделить специфические, наиболее типичные черты его разноплановых проявлений и зафиксировать в философски обобщающем понятии бессознательного. Прежде остановимся на критериях категориальности, поскольку философский статус понятия бессознательного требует ясного понимания отличительных особенностей философских категорий в сравнении с нефилософскими.

Среди исследователей нет единства взглядов относительно необходимых и достаточных признаков категориальности. По этой причине считаем целесообразным отдельно остановиться на этом вопросе. Как известно, «все определения сущего суть категории, ... ступеньки выделения, то есть познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [10, с. 85]. Являясь формами отражения всеобщих свойств, связей и отношений действительности, категории диалектики отличаются глубиной проникновения в сущность явлений, широтой охвата взаимосвязей объективной реальности.

Об этом можно судить исходя из специфики самого предмета философии. Философия рассматривает все проблемы сквозь призму субъектно-объектных отношений, в преломлении к человеку, к практике. Именно поэтому категории словно поворачивают весь мир к человеку какой-то одной из его сторон. В этом как раз и заключается одна из отличительных особенностей философских категорий – их всеобщность, правда, не всегда однозначно понимаемая. Под всеобщностью нередко подразумевается общезначимость понятия или, иначе говоря, применимость его во многих или во всех областях знания. С этим трудно согласиться, ибо этим могут отличаться не только категории диалектики, но и некоторые общенаучные понятия.

Существует и другое понимание всеобщности – возможность применять данное понятие к качественно различным уровням движения материи: природе, обществу, мышлению (Готт В.С., Крымский С.Б., Семенюк Э.П.). Как замечает С.Б. Крымский: «... категория является универсалией, то есть адекватной своей природе лишь постольку, поскольку она имеет трехаспектный характер, выступает как всеобщее отношение в сфере природы, общества и мышления» [11, 46]. При этом он указывает,

что наряду с фиксированием общности необходимо различать тип этой общности, характеристики и способы функционирования универсальности. Он не сторонник того, чтобы характеризовать категории по объемному признаку, выступает за общность не как таковую, а за содержательную.

Содержательный, а не формальный характер общенаучности философских категорий отмечают также Б.В. Бирюков, А.Д. Урсул. Нельзя отрицать возможность конкретно-научной интерпретации многих категорий. Однако, когда они становятся предметом узконаправленного, специального рассмотрения, они теряют свой универсально-научный характер, мировоззренческую и эвристическую функции.

Эта позиция, на наш взгляд, в большей степени соответствует сущности категорий, их генезису. Ведь категории как раз и возникли как итог обобщения человеком подмеченных в тысячелетней практике закономерностей, имеющих место в качественно разнородных плоскостях действительности. И эти закономерности, проявлявшиеся в частностях, были, по существу, выражением общего в конкретном, универсальности фундаментальных свойств реальности.

Всеобщность, универсальность понятий философии проявляется не только в охвате всех сторон действительности, но и является характеристикой, одним из свойств человеческого мышления. Еще Гегель обращал внимание на то, что категории образуют необходимые элементы всякого мышления. При этом использование категорий не всегда отрефлексировано. В таком случае они не имеют соответствующего терминологического обозначения, а выражаются различными средствами, выступая в роли некоторых идей и способов выражения мысли. Только с возникновением философии «...природа категорий сама становится предметом исследования, и только здесь мы имеем дело с категориями в строгом смысле слова» [12, с. 5].

Выделение категорий в специальный предмет исследования имеет социокультурную обусловленность. Практика высвечивает все новые и новые стороны отношений и связей мира, открывает тем самым путь формированию новых категорий. Философская рефлексия обнаруживает изменения, имеющие место в природной и социальной действительности, позволяет лучше понять эти явления, предвидеть возможность их дальнейшего развития, тем самым осуществляет прогностическую функцию.

Специфичность философских категорий раскрывается и в их вовлеченности в решение проблем, связанных с предметом философии, которым является «реально существующая диалектика взаимоотношения субъективного и объективного, включающая в себя диалектику взаимоотношения идеального и материального, сознания и бытия» [13, с. 604]. Философские категории являются «строительным материалом» для лю-

бой философской системы, теории, концепции. Связанным с этим признаком категорий признается их неделимость и уникальность. Категорией может быть названо лишь основное, а не выводное понятие науки. Она имеет собственное специфическое содержание, не сводимое к совокупности содержаний других основных понятий науки.

При категориальном анализе важно учитывать и тот факт, что возникновение и развитие категорий возможно только в рамках уже сложившейся системы понятий. О новой категории допустимо говорить при выявлении внутрикатегориального противоречия, обнаружении того звена, где возникла неполнота знания и необходимость использования такого понятия, которое компенсировало бы ее.

Существенным признаком категориальности является наличие парной категории, ибо соотносительность выражает противоречивость процессов и явлений действительности, а категории как «идеализированные ... всеобщие формы существования объективной реальности» [14, с. 134] выступают в качестве зеркала этой противоречивости мира. Завершая рассмотрение вопроса о признаках категориальности, следует отметить, что они, конечно, не сводятся к перечисленным. Тем не менее нет необходимости привлекать всю их совокупность. Мы ограничились лишь наиболее употребительными, более существенными признаками.

Итак, понятие бессознательного в основных чертах соответствует основным критериям категориальности. В этой связи при дефиниции бессознательного в плоскости философских категорий важно выделить наиболее общее, типичное в многообразных явлениях действительности, обозначаемых этим понятием, и зафиксировать в определении бессознательного, которое обозначает многообразие эмпирических данностей самого феномена бессознательного. В этом контексте бессознательное обозначает все неотрефлексированные, неосознанные проявления человеческой активности, как на уровне отдельного индивида, так и на уровне социальных групп. Только будучи определенным с философских позиций, понятие бессознательного обладает эвристической ценностью и помогает избежать противоречий и путаницы в многочисленных спорах по поводу его конкретных проявлений.

Литература

1. *Brüntrup G.* Das Leib-Seele-Problem: eine Einführung. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1996.
2. *Шерозия А.Е.* Психика. Сознание. Бессознательное. – Тбилиси: Мецниереба, 1979.
3. *Абрамов С.С.* Неявная субъективность (опыт философского исследования). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.

4. *Выготский Л.С.* Вопросы теории и истории психологии: соч. в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1.
5. *Автономова Н.С.* Концепции бессознательного: гносеологический статус // Филос. науки. – 1985. – № 5. – С. 81–91.
6. Бессознательное: природа, функции, методы исследования: мат-лы междунаrod. симпозиума: в 4 т. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.
7. Зигмунд Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур: мат-лы Российско-Австрийской науч. конф. (апрель, 2000 г.) // Вопросы философии. – 2000. – № 10.
8. *Mac-Intyre A.* Das Unbewusste. Eine Begriffsanalyse. – Frankfurt/M., 1963.
9. *Kretschmer W.* Psychoanalyse im Widerstreit. – München, Basel, 1982.
10. *Ленин В.И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 29.
11. *Крымский С.Б.* Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. – Киев: Наук. думка, 1980.
12. *Гегель Г.* Наука логики: соч.– М.: Соцэкгиз, 1937. – Т. 5.
13. *Желнов М.В.* Предмет философии в истории философии. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
14. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – № 6–7.

УДК 101.1:316

О.А. Глушенкова

**ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ И ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ
В ОСМЫСЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
1930-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА
«КОТЛОВАН»)**

О.А. Glushenkova

**THE SPACE OF DEATH AND THE SPACE OF LIFE IN THE
JUDGMENT OF SOVIET REALITY OF THE 1930-s
(BASING ON THE STORY BY A. PLATONOV "FOUNDATION PIT")**

Культурная значимость концептуального осмысления советской действительности, в особенности периода становления – 1930-х годов, в настоящее время очень актуальна. Философская рефлексия над спорными, с точки зрения интерпретаторов, и тяжелыми годами сталинского режима необходима для национального самосознания. Литературные тексты современников способны репрезентировать